

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 81'42+81'38+81'27

БК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Чэнь Сыци^{1,2}

¹ Ляонинский педагогический университет, Далянь, Китай, chenchenfly0901@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9703-303X>

² Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

Фрейм-анализ концепции Китая в дискурсе российских аналитических центров на тему «Поворота на Восток»

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется дискурс Российского совета по международным делам (РСМД) по теме «Поворота на Восток» с целью выявления особенностей концепции Китая. Понятие «концепция Китая» зародилось в рамках китаеведения и получило распространение в исследованиях по международным отношениям, истории, коммуникации, литературе, психологии и другим смежным дисциплинам. Оно охватывает совокупность взглядов, оценок, восприятия, ментальных образов и общего отношения к Китаю. Выстраивается аналитическая модель «тематический фрейм — нарративный фрейм — концептуально-когнитивный фрейм». С использованием методов корпусно-ориентированного дискурсивного анализа и качественного кодирования проводится систематический анализ текстов, связанных с Китаем, за период 2022–2025 гг. Результаты исследования показывают, что образ Китая формируется вокруг трех ключевых дискурсивных тем: «сотрудничество-развитие», «конфликт-переориентация» и «глобальное измерение — интересы». Китай конструируется как глобальный экономический партнер, партнер в сфере политики и безопасности и партнер по перестройке международного порядка. Это отражает ценностный консенсус России и Китая в вопросах «независимого пути развития», «противодействия западной гегемонии» и «многополярности». Данные фреймы служат легитимации стратегических целей «Поворота на Восток», демонстрируя стратегическую осторожность и прагматические соображения России в развитии российско-китайских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, китайские концепции, российские аналитические центры, фреймы, фрейм-анализ, российско-китайские отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чэнь Сыци, PhD (филологические науки), старший преподаватель кафедры русского языка, Ляонинский педагогический университет, провинция Ляонин, г. Далянь, Китай; Даляньский университет иностранных языков, провинция Ляонин, г. Далянь, Китай, email: chenchenfly0901@gmail.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке научного проекта по теме «Исследование „взгляда на Китай“ в дискурсе российских аналитических центров на тему „Поворот на Восток“», утвержденного Департаментом образования провинции Ляонин, номер проекта: LJ112410172030.

本文系2024年辽宁省教育厅基本科研项目“俄罗斯智库转向东方话语中的中国观研究”（课题编号LJ112410172030）的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чэнь, Сыци. Фрейм-анализ концепции Китая в дискурсе российских аналитических центров на тему «Поворота на Восток» / Чэнь Сыци. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 308-318.

Chen Siqi^{1,2}

¹ Liaoning Normal University, Dalian, China, chenchenfly0901@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9703-303X>

² Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

Frame Analysis of the Chinese Concept in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of “Pivot to the East”

ABSTRACT. This article analyzes the discourse of the Russian International Affairs Council (RIAC) on the topic of the “Pivot to the East” in order to identify the specific features of the Chinese concept. The notion of “Chinese concept” was first used in Chinese studies and has spread in research on international relations, history, communication, literature, psychology and other related disciplines. It encompasses a set of views, assessments, mental images, and general attitudes toward China. The study constructs an analytical model consisting of “thematic frame — narrative frame — conceptual-cognitive frame”. Using the methods of corpus-oriented discourse analysis and qualitative coding, the author carries out a systematic analysis of China-related texts over the period from 2022 to 2025. The research results show that the image of China is formed around three key discursive themes: “cooperation-development,” “conflict-reorientation,” and “global dimension-interests.” China is constructed as a global economic partner, a partner in politics and security, and a partner in reshaping international order. This reflects the value-based consensus between Russia and China on issues such as “independent development path,” “countering Western hegemony,” and “multipolarity.” These frames serve to legitimize the strategic goals of the “Pivot to the East,” demonstrating Russia’s strategic caution and pragmatic considerations in developing Sino-Russian relations.

KEYWORDS: political discourse, Chinese conceptions, Russian think tanks, frames, frame analysis, Sino-Russian relations.

AUTHOR'S INFORMATION: *Chen Siqi, PhD in Philology, Senior Lecturer, Liaoning Normal University, China, Liaoning Province, Dalian; Dalian University of Foreign Languages, China, Liaoning Province, Dalian.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been accomplished with financial support of the research project “A Study of the 'View of China' in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of 'Pivot to the East’”, Project No. LJ112410172030.

FOR CITATION: *Chen Siqi. (2026). Frame Analysis of the Chinese Concept in the Discourse of Russian Think Tanks on the topic of “Pivot to the East”. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 308-318. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы концепции Китая в международном дискурсе становятся все более сложными и многогранными, что обуславливает их возрастающую значимость в современных междисциплинарных исследованиях. Понятие «концепция Китая» зародилось в рамках китаеведения и получило распространение в исследованиях по международным отношениям, истории, коммуникации, литературе, психологии и другим смежным дисциплинам. Оно охватывает совокупность взглядов, оценок, восприятия, ментальных образов и общего отношения к Китаю [Чжао Хэньюй 2021]. Аналитические центры, являясь важными носителями доминирующих ценностных ориентаций и идеологических установок в России, представляют собой пространство концентрации интеллектуальной, общественной и политической элиты. Они выполняют посредническую функцию, соединяя экспертное знание с процессами выработки и реализации государственной политики, а также выступают связующим звеном между государством и обществом. На фоне неослабевающей напряженности в отношениях России с Западом после начала украинского кризиса государственные и общественные круги всё более осознают, что опора на незападные новые центры силы, прежде всего на Китай, позволяет преодолеть внешнее давление, восстановить международный статус и сформировать новые траектории развития и дискурсивного пространства. В этой связи углубленное изучение дискурса российских аналитических центров по китайской проблематике в контексте «Поворота на Восток» способствует систематизации представлений России о Китае, а также выявлению стоящих за ними стратегических расчетов и проблем идентичности.

1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ «КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ» В АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ

В настоящее время исследования «концепции Китая» в аналитических центрах характеризуются тенденцией к диверсификации и углублению. Основное внимание уделяется трем ключевым направлениям: вы-

явлению и интерпретации «концепции Китая», анализу механизмов функционирования аналитических центров, а также оценке их влияния на процессы формирования государственной политики.

В измерении выявления и интерпретации «концепции Китая» исследователи широко применяют методы библиометрического анализа, контент-анализа, тематического анализа и дискурсивного анализа, что позволяет системно обобщить результаты исследований. Например, Mahesar, Bing и Rogers [Mahesar, Bing, Rogers 2019], опираясь на конструктивистский подход в теории международных отношений, на основе анализа первичных материалов и проведения глубинных интервью выявили особенности восприятия Китая в пакистанских аналитических центрах. Юй Фан [Юй Фан 2019], используя метод текстового анализа, изучила позиции и установки немецких аналитических центров по китайской проблематике, обобщив основные выводы о «китайском подъеме» и международной роли Китая. Чжао Хэньюй [Чжао Хэньюй 2021], применяя методы библиометрического и качественно-текстового анализа, осуществил сравнительное исследование подходов к изучению Китая в трех ведущих европейских аналитических центрах. Кроме того, в рамках отдельных тематических направлений, таких как «китайский подъем», международная роль Китая, социальные проблемы и региональное сотрудничество, также проводятся углубленные исследования. В совокупности данные исследования не только демонстрируют многообразие «концепции Китая» в аналитических центрах, но и раскрывают стоящую за ними академическую логику и ценностные ориентации.

Второе направление исследований связано с анализом механизмов функционирования аналитических центров, выявлением полного цикла формирования, презентации, распространения и закрепления концептуальных установок. Сунь Цзиньсинь [Сунь Цзиньсинь 2012], Цзя Минь [Цзя Минь 2015] и другие авторы обобщили стратегии и подходы западных аналитических центров к созданию и распространению «концепции Китая», подчеркнув ключевую роль экспертных команд.

Параллельно исследователи уделяют внимание тому, каким образом продукты аналитических центров влияют на процесс выработки государственных решений. Так, J. Nye [Nye 2002] отмечает, что постановка повестки дня и способность влиять на предпочтения других являются важными преимуществами аналитических центров; S. Tim [Tim 2019] проанализировал участие британских аналитических центров в политических дебатах по вопросам Южно-Китайского моря; Шэнь Цзиньцзянь [Шэнь Цзиньцзянь 2016], опираясь на эмпирический анализ, выделил 11 основных путей влияния аналитических центров на правительственные решения, включая рекомендации президенту, публикации, выступления, конференции, механизм «вращающейся двери», подготовку законодательных инициатив, консультации, интервью, сетевые коммуникации и личные связи. Эти исследования не только углубляют понимание механизмов работы аналитических центров, но и создают прочную основу для оценки реальной роли аналитических центров в разработке национальной политики, демонстрируя значимость аналитических центров в политическом процессе.

По сравнению с другими странами, исследования «концепции Китая» в российских аналитических центрах уже накопили определенный материал, однако в целом по-прежнему сохраняется дефицит системных и теоретически обоснованных аналитических моделей. Существующие работы в основном сосредоточены на анализе отдельных высказываний политического руководства или медиадискурса, тогда как дискурсивные практики аналитических центров и механизмы формирования когнитивных и ценностных установок остаются недостаточно изученными. В связи с этим анализ дискурса российских аналитических центров в контексте стратегии «Поворота на Восток» приобретает особую научную и практическую значимость.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФРЕЙМ-АНАЛИЗУ «КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ»

С точки зрения своего исходного значения, «концепция Китая» может быть понята как совокупность установок, оценок и восприятий Китая, формирующихся от поверхностного образа к более глубоким ценностным ориентациям. В рамках данного исследования «концепция Китая» рассматриваются как образные, позиционные и концептуальные конструкции, формируемые в процессе производства и распространения дискурсивного знания российскими аналитическими центрами.

На международном интеллектуальном рынке дискурсивное производство знаний, создаваемое аналитическими центрами, является не только важным источником информации для государственных решений, но и одним из наиболее чувствительных факторов формирования международного имиджа и общественной оценки других стран. Знания определяют действия, а действия порождают новые знания [Ху Фаньчжу и др., 2021]. Однако знание, оказывающее влияние на значимые политические решения, как правило, не носит фрагментарного характера, а структурируется в определенные «фреймы». Под «фреймом» понимается «единая организационная структура знания по определенной тематике либо схематическое представление опыта» [Fillmore 1985]. Исходя из этого, в данном исследовании предложена трехкомпонентная аналитическая схема фреймов восприятия Китая в дискурсе аналитических центров: тематический фрейм, нарративный фрейм и концептуально-когнитивный фрейм.

«Тематический фрейм» направлен на выявление ключевых тем и повестки исследования Китая в дискурсе «Поворота на Восток» российских аналитических центров. Анализируется, какие темы формируются в дискурсе и получают приоритет. Для этого применяется метод корпусно-ориентированного дискурсивного анализа, позволяющий обобщить результаты исследований по китайской проблематике и выделить основные направления.

«Нарративный фрейм» в основном ориентирован на анализ логики дискурсивного повествования и процессов смыслового конструирования. С опорой на определение фрейма, предложенное Робертом Энтманом [Entman 1993], и с использованием программного обеспечения для качественного анализа текстов, материалы кодируются по четырем аналитическим параметрам: «определение проблемы», «диагностика причин», «моральная оценка» и «предлагаемые решения». На основе анализа ключевых высокочастотных лексем и значимых выражений обобщаются позиции и установки аналитических центров по вопросам, связанным с Китаем, а также выявляются практические эффекты и конструктивные функции различных нарративных фреймов.

«Концептуально-когнитивный фрейм» сосредоточен на анализе ролевых представлений, ценностных ориентаций и интерпретаций стратегических целей, конструируемых в дискурсе аналитических центров. В рамках данного измерения осуществляется систематизация образов Китая, представленных в

различных тематических и нарративных контекстах, а также их интерпретаций в связи с целеполаганием стратегии «Поворота на Восток». Это позволяет выявить стоящие за соответствующим дискурсом властные интенции и реальные мотивационные факторы.

3. АНАЛИЗ «КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ» В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОГО СОВЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

Для систематического исследования того, как представлено производство знаний о Китае в контексте темы «Поворота на Восток» в материалах Российского совета по международным делам, в первую очередь необходимо определить ключевые слова для сбора данных, включая «Поворот на Восток» и «Китай». Учитывая множественность вариантов выражения «Поворот на Восток» в русском языке, в данном исследовании были установлены следующие поисковые термины: «поворот/разворот на восток», «поворот/разворот к востоку», «поворот/разворот России на восток», «поворот/разворот России к востоку», «восточный вектор/поворот/разворот». С использованием технологии веб-скрейпинга был осуществлен многоэтапный и максимально полный сбор данных, что позволило учесть семантическую вариативность выражения «Поворот на Восток» в русскоязычном контексте.

Временные рамки исследования ограничены периодом после начала специальной военной операции, то есть 2022–2025 гг. После этого был проведен ручной анализ и фильтрация данных с целью исключения материалов, которые, несмотря на наличие ключевых слов, фактически не были релевантны основной теме — формированию представлений о Китае в контексте «Поворота на Восток». В результате был сформиро-

ван закрытый корпус, включающий 35 190 токенов и 218 722 знака. Все тексты обладают высокой исследовательской ценностью и репрезентативностью, что создаёт надёжную основу для последующего углубленного анализа.

3.1. Анализ тематического фрейма

В рамках данного фрейма применяется корпусно-ориентированный дискурсивный анализ, позволяющий выявить тематические предпочтения аналитических центров на основе ключевых слов. В исследовании используется программное обеспечение «KN Coder», с помощью которого посредством анализа сетей совместной встречаемости визуализируются потенциальные связи между тематическими единицами и наглядно представляется сеть со-встречаемости ключевых слов (см. рис. 1).

Как показано на рисунке, на основе исходного корпуса было выделено шесть групп ключевых тематических единиц, связанных с китайской проблематикой. В соответствии с кластерным распределением и содержанием узловых слов тематический фрейм может быть структурирован с выделением трех основных направлений.

Первое направление — тема «сотрудничество — развитие», включающая зеленый кластер (мир, политический, пекин, экономический, азия, развитие, сотрудничество, российский-китайский, взаимодействие), синий кластер (число, партнер, государство, азия, проблема, развитие, сотрудничество, российский-китайский, взаимодействие) и красный кластер (развитие, сотрудничество, российский-китайский, взаимодействие). Данная группа преимущественно отражает динамику двусторонних отношений, логику сотрудничества и актуальные проблемы взаимодействия Китая и России в рамках стратегии «Поворота на Восток».

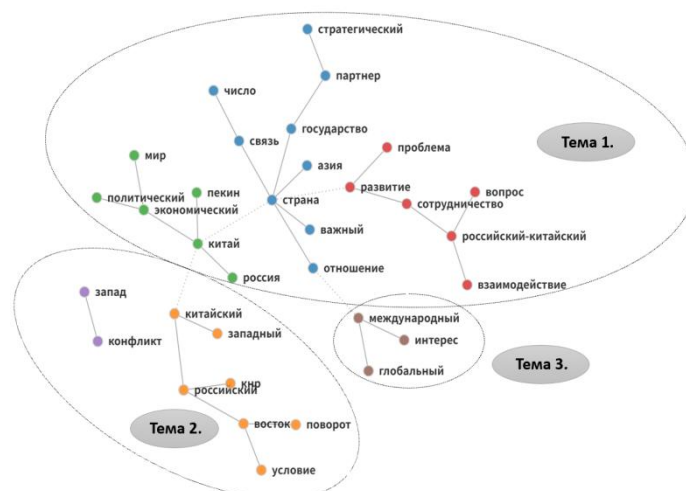

Рис. 1. Сеть со-встречаемости ключевых слов в дискурсе о Китае

Второе направление — тема «конфликт — переориентация», охватывающая фиолетовый кластер (Запад, конфликт) и оранжевый кластер (китайский, западный, КНР, российский, Восток, поворот, условие). Оно главным образом связано со стратегическим смещением России от западнцентричной модели развития и поиском альтернативных опорных партнеров среди незападных стран, прежде всего в лице Китая.

Третье направление — тема «глобальное измерение — интересы», представленная коричневым кластером (международный, интерес, глобальный). Данный тематический блок отражает вопросы перестройки глобального порядка и формирования консенсуса интересов между Китаем и Россией в контексте «Поворота на Восток».

3.2. Анализ нарративного фрейма

Американский исследователь Роберт М. Энтман отмечает, что функции фрейминга применительно к любой общественной проблеме могут быть сведены к четырем основным аспектам: 1) определение проблемы (define problems), то есть выявление ее сущности, социальных издержек и потенциальных выгод; 2) диагностика причин (diagnose causes), направленная на установление источников и механизмов возникновения проблемы; 3) формирование моральной оценки (make moral judgment), предполагающее интерпретацию последствий проблемы в контексте доминирующих ценностей и норм общества; 4) предложение решений (suggest remedies), включающее разработку мер и прогноз их эффективности [Entman 1993].

В настоящем исследовании с использованием программного обеспечения MAXQDA корпус дискурсивных материалов был закодирован в соответствии с тремя тематическими направлениями: «сотрудничество — развитие», «конфликт — переориентация» и «глобальное измерение — интересы». Анализ результатов кодирования показывает,

что в условиях всестороннего давления со стороны Запада и трансформации глобального порядка на официальном уровне в России «Поворот на Восток» в целом рассматривается как сознательный выбор национальной стратегии развития, как долгосрочная ориентация на стратегическую диверсификацию. Сотрудничество с незападными странами во главе с Китаем интерпретируется как необходимое условие обеспечения национального выживания, развития суверенной автономии и получения права участия в формировании будущего мирового порядка. В то же время дискурс аналитических центров, не отрицая в целом официальную позитивную интерпретацию, фокусируется на выявлении потенциальных рисков и ограничений, а также на выработке конкретных, зачастую критически ориентированных рекомендаций. Нарративные фреймы в различных тематических направлениях демонстрируют различную степень акцентации проблем и способов их интерпретации.

3.2.1. Тема «сотрудничество и развитие»

Результаты тематического кластерного анализа показывают, что дискурс в рамках темы «сотрудничество и развитие» в основном сосредоточен на динамике развития российско-китайских отношений, логике двустороннего сотрудничества и существующих практических трудностях. На основе кодирования и обобщающего анализа соответствующего корпуса с использованием программного обеспечения MAXQDA было выявлено, что дискурс аналитических центров в рамках данной темы формирует нарративный фрейм, в основе которого лежат четыре ключевых субсюжета: «риски зависимости», «переплетение выгод и угроз», «сосуществование конкуренции и сотрудничества» и «самоусиление и взаимное развитие». Основные высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения данного фрейма представлены в таблице 1.

Таблица 1. Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения темы «сотрудничество и развитие»

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
<p>1. Определение проблемы — «риски зависимости»</p>	<p>торговый дисбаланс; асимметричная зависимость; импорт растет быстрее экспорта; сырьевой прирост; торговая асимметрия; позитивное сальдо упало вдвое; низкий уровень инвестиций; нехватка экспертизы; буксует; привязка к юаню; навязывание стандартов; зависимость велика; разрыв между центром и регионами; китайские технологии опережают российские; экономическая зависимость велика...</p>

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
<p>2. Диагностика причин — «переплетение выгод и угроз»</p>	<p>железный занавес; санкционное давление; закрытие западных рынков; ухудшение отношений с Западом; резкий рост конфликтного потенциала; боязнь вторичных санкций; Китай крайне аккуратно; снижать зависимость от традиционных энергоресурсов; нет чёткой формулировки; бюрократический механизм; отдача в короткие сроки; часть сырьевой политики; энергетический переход; совпадение / близость позиций; собственные интересы; экономики взаимно дополняют друг друга; близость или совпадение позиций; гибко и эффективно реагировать на вызовы; самостоятельность; подлинный суверенитет...</p>
<p>3. Моральная оценка — «сосуществование конкуренции и сотрудничества»</p>	<p>жёсткая ценовая политика; скупать местный бизнес; китайская агрессия; не вечная дружба, а совпадение интересов; устойчивые отношения; зрелый и стабильный характер; беспрецедентно высокий уровень; стратегические партнеры; дружба без границ; важный союзник; взаимодействие глубже альянса; спина к спине, рука об руку; выступают за многополярный мир; новые творцы современной политики; на общих ценностях; отказаться от логики «холодной войны»; формирование полицентричного миропорядка; созвучны российским подходам; позитивный отклик мирового большинства...</p>
<p>4. Предложение решений — «самоусиление и взаимное развитие»</p>	<p>диверсифицировать экспорт/импорт; стать полноценной евразийской страной; приоритет продовольствия; переход на уровень высокой технологичности; отказ от примитивной модели «купить-продать»; заманивать, объяснить, создать условия; состыковать / сопряжение / сшивать пространство; расширять логистическую инфраструктуру; углублять практическую кооперацию во всех областях; расчёты в национальных валютах; разрабатывать национальные стандарты; изучать языки и культуру; готовить специалистов; наращивать кооперацию по линии многосторонних механизмов; ЕАЭС; АСЕАН; ШОС; БРИКС; выйти в Азию (технологии, культура); узнавать Азию / гуманитарное взаимодействие; диверсификация связей; уважать выбор пути развития; сопряжение...</p>

Дискурс, признавая устойчивый рост макроуровневого торгово-экономического сотрудничества между двумя сторонами, одновременно выявляет глубинные структурные ограничения двусторонних отношений, связанные с «рисками зависимости». Посредством акцентирования таких ключевых проблем, как дисбаланс торговой структуры, технологическая зависимость, недостаточный уровень инвестиций в российскую экономику и ограниченный потенциал экономического роста, формируется кризисный нарратив. Согласно ему, Россия в процессе «Поворота на Восток» может столкнуться с риском превращения в «сырьевой придаток» и формирования значительной зависимости от Китая в финансовой сфере, высоких технологиях, стабильности цепочек поставок и региональной автономии развития.

В этой интерпретации дискурс устанавливает причинную связь, которая проявляется как «переплетение выгод и угроз». Тесное сотрудничество между Китаем и Россией, а также стратегический поворот России на Восток интерпретируются не только как вынужденная реакция на разрыв отношений с Западом, но и как результат рационального стратегического выбора, основанного на соображениях энергетической безопасности, рыночных рисков и национальных интересов обеих сторон.

На основе диагностики причин дискурс формирует прагматичную модель «сосуществования конкуренции и сотрудничества» в измерении моральной оценки. С одной стороны, посредством таких выражений, как «дружба без границ» и «глубже альянса», позитивно конструируется стратегическая

ценность и уникальность российско-китайских отношений, подчеркивается их «легитимность», «зрелость» и наличие «общей ценностной основы». С другой стороны, в рамках прикладного политико-экономического анализа критикуется «жесткая ценовая политика» Китая и предупреждается о его тенденциях к коммерческой экспансии. В основе данной нарративной логики лежит отказ от иллюзий «вечной дружбы» в пользу трезвого понимания сотрудничества как формы согласования интересов.

В конечном итоге дискурс ориентируется на решения «самоусиления и взаимного развития», предполагая формирование долгосрочного подхода к взаимодействию с Китаем и другими партнерами, сочетающего углубление сотрудничества с защитой собственных интересов. Особое внимание уделяется укреплению национального инноваци-

онного потенциала, оптимизации структуры взаимодействия и снижению рисков внешней зависимости с целью повышения субъектности и инициативности России в системе двусторонних отношений.

3.2.2. Тема «конфликт и переориентация»

Тема «конфликт и переориентация» в основном посвящена стратегическому развороту России в сторону от западоцентризма и замещения западных партнеров другими государствами. В соответствующем дискурсе аналитических центров формируется нарративный фрейм, основанный на четырех ключевых субсюжетах: «угроза конфронтации», «внутренние и внешние ограничения», «консенсус по сотрудничеству» и «внутренняя и внешняя реконструкция». Основные высокочастотные лексемы и ключевые выражения представлены в таблице 2.

Таблица 2. Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения темы «конфликт и переориентация»

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
<p>1. Определение проблемы — «угроза конфронтации»</p>	<p>игнорирование интересов (Западом); агрессивное расширение НАТО; однополярный мир; гегемония и диктат; нарушение верховенства закона; «железный занавес»; конфронтация с Западом; новые «санкционные» проблемы; вторичные санкции...; Американское «наступление»; расширение военных союзов у границ; злоупотребляют... в политических целях (санкции)...</p>
<p>2. Диагностика причин — «внутренние и внешние препятствия»</p>	<p>инерция вестернизации; недоверие к Китаю (сохраняется); принадлежат к различным цивилизациям; китаеведов... меньше, чем требуется; дефицитный товар; сложность китайского дискурса; российско-китайские нестыковки; асимметрия экономических потенциалов(в пользу КНР); не может полностью заместить Запад; инфраструктура не справляется; инвестиционная активность не возросла...</p>
<p>3. Моральная оценка — «консенсус по сотрудничеству»</p>	<p>стабильный и надежный элемент; доверительные отношения между лидерами; стратегическое взаимодействие стимулирует; заполняли ниши (после ухода Запада); взаимодействие великих держав «нового типа»; дружба... никогда не станет враждой; более продвинутая форма; инклюзивная глобализация; не носит политического характера; полностью сохраняет... стратегическое партнерство; избавиться от... провинциализма (позитивная цель); отношения более глубокие и тесные, чем альянс; взаимодействие великих держав «нового типа»; общая модель «Россия — Китай»...</p>
<p>4. Предложение решений — «внутренняя и внешняя реконструкция»</p>	<p>«вертикаль власти»; импортозамещение; «сшивание» территорий; Сибирь как мегарегион; развенчание негативных установок/преодоление стереотипов; углубление взаимопонимания; диверсификация торговли; формирование многосторонних институтов; «новое мышление»/гармонизация диалога; общая система финансового клиринга; ШОС; БРИКС; сформировать новую архитектуру мировой безопасности; объединить усилия (ЕАЭС и «Пояс и путь»); совместное развитие СМП; «поворот на Восток»...</p>

Прежде всего, в дискурсе современные отношения России с Западом интерпретируются как фундаментальная проблема и кризис — «угроза конфронтации». Посредством таких формулировок, как *агрессивное расширение НАТО, злоупотребление санкциями и новый железный занавес*, конструируется образ радикального ухудшения внешней среды. В этих условиях «Поворот на Восток» переосмысливается не как добровольный стратегический выбор, а как вынужденная и практически безальтернативная оборонительная реакция на нарастающее давление со стороны Запада, что придает ускоренному продвижению данной стратегии дополнительную легитимность.

После обоснования необходимости разворота дискурс аналитических центров диагностирует причины замедленного продвижения данной политики, определяя их как «внутренние и внешние препятствия». Внутренние препятствия связаны с долгосрочной инерцией вестернизации, дефицитом профессиональных кадров, общественным отставанием к Китаю, а также серьезным отставанием инфраструктуры на Дальнем Востоке. Внешние ограничения, в свою очередь, концентрируются вокруг объективной асимметрии потенциалов Китая и России и прагматичной позиции Пекина, заключающейся в том, что Китай не может и не стремится полностью заменить Запад.

Для преодоления данных ограничений и формирования устойчивых рамок долгосрочного сотрудничества дискурс акцентирует внимание на выстраивании «консенсуса по сотрудничеству» в российско-китайских отношениях. Осознанно дистанцируясь от традиционного понятия «альянса», ассоциируемого с логикой холодной войны и ограничением суверенитета, аналитические центры продвигают концепцию «отношений глубже альянса», а также апеллируют к идее «взаимодействия нового типа», выдвигаемой китайской стороной. Это позволяет снизить

внешние подозрения в отношении стратегического партнерства двух стран и одновременно занять более выгодную морально-нормативную позицию в международном дискурсе.

В отношении предлагаемых решений центральное место занимает идея «внутренней и внешней реконструкции». Во внутреннем измерении она предполагает укрепление «вертикали власти» для координации развития, продвижение политики импортозамещения, а также формирование ориентации на «восточный центризм» с целью интеграции национального пространства и идентичности.

Во внешнем измерении повестка фокусируется на институциональном строительстве, включая создание независимых финансовых расчетных механизмов, углубление сопряжения ЕАЭС с ИПП, а также превращение ШОС и БРИКС в ключевые опоры «нового типа сотрудничества». Цель заключается не просто в «развороте», а в системном преобразовании основ национального развития России и евразийской геоэкономической архитектуры через внутренние и внешние взаимодействия, что должно обеспечить ее суверенитет и влияние в постзападную эпоху.

3.2.3. Тема «глобальное измерение и интересы»

Тема «глобальное измерение и интересы» сосредоточена на проблематике перестройки глобальной цивилизационной и институциональной архитектуры, а также на формировании консенсуса интересов между Китаем и Россией. В рамках данной тематики дискурс аналитических центров формирует нарративный фрейм, включающий такие ключевые подкатегории, как «кризис мирового порядка», «субъектная конкуренция», «ценностное противостояние» и «стратегическая автономия». Основные высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения представлены в таблице 3.

Таблица 3. Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения темы «глобальное измерение и интересы»

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
1. Определение проблемы — «кризис мирового порядка»	мир не вернётся к былому состоянию; порядок закончился / осыпается; глобализация неприемлема / перестраивается; разрыв / закрытие границ; санкционное давление; политика пожирает экономическую логику; попрощались (с идеалистической глобализацией); прежняя система не возрождаема в прежнем виде...

Измерения фрейма	Высокочастотные лексические единицы и ключевые выражения
<p>2. Диагностика причин — «субъектная конкуренция»</p>	<p>Запад / США (как инициатор санкций); политизация экономических связей; жёсткий конфликт с Западом; санкционное давление; Западный взгляд исходит из конфликта; искажения знания / инерция истории; традиции школьной программы; санкции легко вводить, но трудно отменять; зафиксирован законодательно; обращены против нас...</p>
<p>3. Моральная оценка — «ценностное противостояние»</p>	<p>Западный взгляд (исходит из конфликта); созидательное разрушение; западоцентризм контрпродуктивен; навязывать идеологию; вытереть ноги о резолюцию; Китайская парадигма (гармония, общая судьба); методология решения проблем; никто не будет учить; отношения глубже альянса...</p>
<p>4. Предложение решений — «стратегическая автономия»</p>	<p>поворот на Восток; освоить направление / диверсификация; создать прочную основу на Востоке; развивать компетенции (для работы с незападными партнёрами); свои заделы (технологические, промышленные); изучать языки, культуру, законы; угол зрения должен смениться / осознать себя частью Евразии; БРИКС, АТЭС, ЕАЭС, ОДКБ (альтернативные институты); избегать экзальтации, сохранять хладнокровие...</p>

Дискурс изначально конструирует объективную проблему «кризис глобального порядка». Посредством глаголов совершенного вида, таких как «попрощались» (попрощаться), «закончился» (закончиться) и «осыпается» (осыпаться), либеральный международный порядок, сложившийся после холодной войны вокруг экономической глобализации и западных институтов, характеризуется как завершившийся и необратимый исторический этап.

Причина заключается в том, что различные национальные субъекты вступают в острое соперничество для защиты и переформатирования собственных интересов. Особое внимание уделяется роли России как «преследуемого субъекта» («санкционное давление», «закрытие границ», «политика поглощает экономику») и роли Запада, особенно США, в качестве «субъекта-агрессора» и «нарушителя правил» («крупнейший инициатор санкций», «попирание резолюций ООН»). Таким образом, сложное международное взаимодействие сводится к ясному конфронтационному нарративу «мы — они».

По измерению моральной оценки, подчеркивая наступательный характер политики Запада и вынужденный характер ответных действий России, дискурс легитимирует стратегическую корректировку внешнеполитического курса как оборонительную меру,

направленную на защиту ключевых национальных интересов. Конкуренция интересов интерпретируется не только в материально-экономическом измерении, но и в плоскости цивилизационного противостояния между Востоком и Западом: западной «конфликтной парадигмой» и незападной «гармонической парадигмой», в центре которой находится Китай.

В конечном счете дискурс привязывает национальные интересы и возможные пути развития России к достижению всеобъемлющей «стратегической автономии». Речь идет не только о геоэкономическом «повороте на Восток», но и о глубокой трансформации внутреннего сознания и институционального потенциала. Ее ядром становится преодоление евроцентрической зависимости и переход к евразийской идентичности, формирование диверсифицированной и независимой внешней политики.

3.3. Концептуально-когнитивный фрейм

Анализ дискурсивного корпуса российских аналитических центров показывает, что их «концепции Китая» отличаются стратегической направленностью, многоуровневостью и диалектичностью. Китай в данном дискурсе не сводится к упрощенным категориям «союзник» или «соперник», а конструируется в виде иерархически организованной и взаимосвязанной системы когнитивных

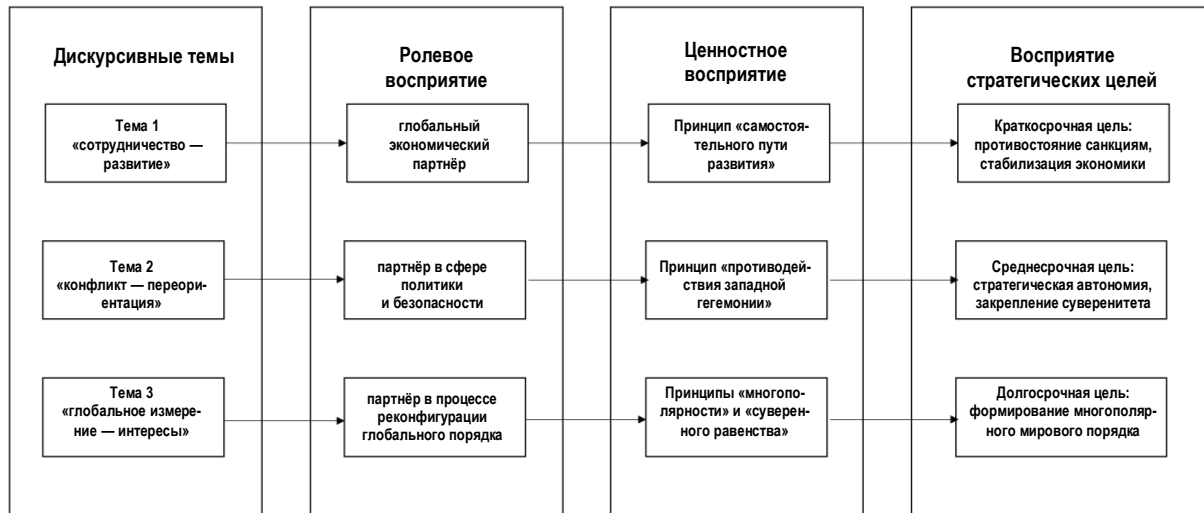

Рис. 2. Концептуально-когнитивный фрейм

установок, формируемых в различных тематических контекстах. Данный фрейм органично интегрирует три измерения: ролевое восприятие, ценностное восприятие и восприятие стратегических целей, которые в совокупности обеспечивают интерпретацию и легитимацию государственной стратегии «Поворота на Восток» (см. рис. 2).

В рамках темы «сотрудничество и развитие» Китай конструируется как глобальный экономический партнер, сочетающий взаимодополняемость и потенциальные риски. Дискурс, признавая Китай «наиболее реалистичной альтернативой рынка» и «партнером взаимовыгодного сотрудничества», одновременно систематически указывает на угрозу формирования зависимости от Китая. Это отражает прагматический подход и осознание рисков в рамках экономического взаимодействия.

В рамках темы «конфликт и переориентация» Китай представлен как «внеблоковый, но надежный» партнер в сфере политики и безопасности. В условиях западного давления он рассматривается как «долгосрочный надежный партнер» и «опора безопасности» России, при этом его внутривнутриполитическая модель и потенциал в продвижении международных инициатив вызывают значительный интерес и являются предметом изучения.

В рамках темы «глобальное измерение и интересы» Китай предстает в качестве ключевого партнера России в процессе реконфигурации глобального порядка. Сближение ценностных установок проявляется в совместной поддержке принципов многополярности, суверенного равенства и незападноцентричного дискурса. В противостоянии западной дискурсивной гегемонии и продвижении трансформации международной системы формируется устойчивый консенсус. В то же

время аналитические центры подчеркивают различия в исторических традициях, культурном ядре и моделях управления, призывая сохранять цивилизационную автономию и избегать чрезмерной идеализации двусторонних отношений.

Указанные векторы ролевого восприятия опираются на соответствующие пункты ценностного восприятия. Принцип «независимого пути развития» обеспечивает идейную основу для минимизации рисков в экономическом сотрудничестве; «противодействие западной гегемонии» укрепляет нормативно-моральные основания безопасности сотрудничества; принципы «многополярности» и «суверенного равенства» формируют нормативный фундамент совместного участия в перестройке глобального порядка. В совокупности они образуют системный ответ на западно-либеральный нарратив и обеспечивают ценностную легитимацию стратегии «Поворота на Восток».

Все эти уровни восприятия в конечном итоге служат осмыслению и объяснению стратегических целей России в рамках «Поворота на Восток». В краткосрочной цели она направлена на смягчение санкционного давления и стабилизацию экономики; в среднесрочной — на обеспечение стратегической автономии и укрепление ключевых суверенных интересов; в долгосрочной — на участие в формировании нового международного порядка и продвижение модели многополярного глобального управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Entman, R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // *Journal of Communication*. — 1993. — Vol. 43, No. 4. — P. 51–58. — EDN HJMFJX.
- Fillmore, C. J. Frames and the semantics of understanding / C. J. Fillmore // *Quaderni di Semantica*. — 1985. — Vol. 6, Iss. 2. — P. 222–254.

3. Mahesar, P. A. Nexuses between knowledge and policy: China studies in Pakistani think tanks / P. A. Mahesar, N. C. Bing, R. A. Rogers // *Jebat: Malaysian Journal of History, Politics & Strategic Studies*. — 2019. — Vol. 46, № 1. — P. 196–224. — ISSN 2180-0251.

4. Nye, J. S. The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone / Joseph S. Nye Jr. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 240 p. — ISBN 9780198034360.

5. Tim, S. The UK's China policy under U.S.—China strategic rivalry: The Impact of Think Tank Research / S. Tim // *China Quarterly of International Strategic Studies*. — 2019. Vol. 5, Iss. 2. — DOI 10.1142/S2377740019500106.

6. Жун, Тин. Исследование особенностей производственной деятельности и методов распространения информации аналитических центров США по проблемам Южно-Китайского моря: пример Института Брукинса / Жун Тин, Юй Цяньцзянь // *Новые медиа и общество*. — 2018. — № 1. — С. 156–171.

7. Лю, Ган. Понимание российскими аналитическими центрами участия Китая в арктических делах и предлагаемые ими контрмеры с 2018 года / Лю Ган // *Журнал разведки*. — 2024. — № 1. — С. 1–8.

8. Лю, Ин. Исследования социальных проблем Китая, проведенные американскими аналитическими центрами в последние годы / Лю Ин, Вэй Лэй // *American Studies*. — 2016. — Т. 30, № 6. — С. 121–132.

9. Сунь, Цзинсинь. Основные практики и значение западных аналитических центров в формировании «взглядов на Китай» / Сунь Цзинсинь // *Внешние коммуникации*. — 2012. — № 7. — С. 55–57.

10. Цзя, Минь. Причины колебаний во «взгляде на Китай» американских аналитических центров и контрмеры / Цзя Минь // *Внешние коммуникации*. — 2015. — № 7. — С. 24–25.

11. Чжан, Хунцянь. Эпидемический дискурс глобальных аналитических центров на фоне шума: рамочный анализ на основе доклада Института Брукинса / Чжан Хунцянь, Лэн Чжилин, Чжао Шипянь // *Журнал Восточно-Китайского педагогического университета. Философия и социальные науки*. — 2022. — Т. 54, № 2. — С. 119–129.

12. Чжан, Хунцянь. «Саммит демократий» и стратегия администрации Байдена в отношении Китая: рамочный анализ, основанный на рассуждениях о политике в Брукинском институте / Чжан Хунцянь // *Социальные науки*. — 2021. — № 7. — С. 22–34.

13. Чжао, Хэньюй. Исследование «китайской перспективы» европейских аналитических центров: всесторонний сравнительный анализ на основе исследовательских отчетов трех крупнейших европейских аналитических центров / Чжао Хэньюй // *Журнал разведки*. — 2021. — Т. 40, № 1. — С. 111–119.

14. Ху, Фаньчжу. Концептуальная реконструкция и выбор действий информационного управления в профилактике и борьбе с крупными эпидемиями: аналитическая структура, основанная на перспективе «культурного управления» / Ху Фаньчжу, Чжан Хунцянь, Чжоу Пин // *Культурные и художественные исследования*. — 2021. — Т. 14, № 1. — С. 1–12, 111.

15. Шэнь, Цзиньцзянь. Формирование, деятельность и влияние американских аналитических центров / Шэнь Цзинь-

цзянь // *Оценка китайской социальной науки*. — 2016. — № 2. — С. 13–37.

16. Юй, Фан. Текущая ситуация, проблемы и просвещение в исследованиях Китая, проводимых немецкими аналитическими центрами (2005–2018) / Юй Фан // *Зарубежные общественные науки*. — 2019. — № 4. — С. 88–97.

REFERENCES

1. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. EDN HIJMFJX.

2. Fillmore, C. J. (1985). Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 6(2), 222–254.

3. Mahesar, P. A., Bing, N. C., Rogers, R. A. (2019). Nexuses between knowledge and policy: China studies in Pakistani think tanks. *Fakulti Sains Sosial dan Kemanusiaan, Universiti Kebangsaan Malaysia*, 1, 196–224. ISSN 2180-0251.

4. Nye, J. S. (2002). The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone. Oxford University Press. ISBN 9780198034360.

5. Tim, S. (2019). The UK's China policy under U.S.—China strategic rivalry. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 5(2). DOI 10.1142/S2377740019500106.

6. Rong, Ting, Yu, Qianqian. (2018). Study on production features and modes of transmission on the South China Sea issue in American think tanks: Taking the Brookings Institution as an example. *New Media and Society*, 1, 156–171.

7. Liu, Gang. (2024). Perceptions of Chinese participation in Arctic affairs by Russian think tanks since 2018 and their proposed countermeasures. *Journal of Intelligence*, 1, 1–8.

8. Liu, Ying, Wei, Lei. (2016). Research on China's social issues in American think tanks. *American Studies*, 30(6), 121–132.

9. Sun, Jingxin. (2012). Main practices of Western think tanks in constructing the “China view” and their implications. *International Communication*, 7, 55–57.

10. Jia, Min. (2015). Causes of fluctuation in American think tanks' “China view” and countermeasures. *International Communication*, 7, 24–25.

11. Zhang, Hongqian, Leng, Zhilin, Zhao, Shipian. (2022). Global think tanks' discourses on the pandemic in the midst of a cacophony: A framing analysis based on Brookings reports. *Journal of East China Normal University (Philosophy and Social Sciences)*, 54(2), 119–129.

12. Zhang, Hongqian (2021). The “Summit for Democracy” and the Biden administration's China strategy: A framing analysis based on Brookings policy reports. *Social Sciences*, 7, 22–34.

13. Zhao, Hengyu (2021). Research on European think tanks' “China view”: A comparative analysis based on reports from three major European think tanks. *Journal of Intelligence*, 40(1), 111–119.

14. Hu, Fanzhu, Zhang, Hongqian, Zhou, Ping (2021). Conceptual reconstruction and action choices of information governance in major epidemic prevention and control: An analytical framework from the perspective of “cultural governance.” *Cultural and Art Studies*, 14(1), 1–12+111.

15. Shen, Jinjian (2016). The formation, operation and influence of think tanks in the U.S.A. *Chinese Social Sciences Review*, 2, 13–37.

Yu, Fang (2019). The status quo, problems, and implications of German think tanks' research on China (2005–2018). *Foreign Social Sciences*, 4, 88–97.